
ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК 316.34

DOI: 10.14258/ssi(2026)1-01

Ментальные репрезентации верующих в общественном сознании населения азиатского приграничья России

Дарья Алексеевна Омельченко¹

Светлана Геннадьевна Максимова²

Ольга Валерьевна Суртаева³

Ольга Леонидовна Сытых⁴

---

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, Российский биотехнологический университет, Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>, omelchenko@socio.asu.ru

---

²Российский биотехнологический университет, Москва, Россия, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>, svet-maximova@yandex.ru

---

³Российский биотехнологический университет, Москва, Россия, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>, bubka_s@mail.ru

---

⁴Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3986>, sytykh@yandex.ru

Аннотация. Восприятие веры и религии в современном обществе демонстрирует сложную динамику, обусловленную соперничеством между традиционными институциональными моделями и растущим индивидуализированным духовным поиском. Представленное в статье исследование посвящено ментальным репрезентациям верующих в общественном сознании населения регионов азиатского приграничья России — Алтайского края и Республики Алтай. Используются психосемантические методы множественной идентификации для анализа образов различных религиозных ролей, формируемых континуумом между верой и неверием, актуальными характеристиками конфессиональной ситуации в регионах. Выборка составила 144 респондента с разной этнической и конфессиональной идентичностью, для анализа образов и выявления скрытых структур оценивания применялись факторный анализ и многомерный дисперсионный анализ. Исследование выявило сложную и многослойную структуру религиозных образов, отражающую глубокое взаимовлияние региональных культурных особенностей и общественных смысловых конструкторов. Факторы, выявленные в исследовании, отражают три основных измерения духовности: личностную нравственность, межконфессиональное взаимодействие и религиозный национализм, каждый из которых характеризуется уникальным набором смысловых атрибутов и социальных значений. Православие и буддизм воспринимаются преимущественно положительно, тогда как образы мусульман и неверующих характеризуются большей неоднозначностью и внутренними противоречиями. Выводы исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к изучению религиозной идентичности в многообразных социально-культурных контекстах.

Ключевые слова: ментальные репрезентации, социальное восприятие, образы верующих, семантическое пространство, категориальные структуры сознания, общественное сознание, приграничные регионы, азиатское приграничье России

Финансирование: публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 24–48–03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности».

Для цитирования: Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Суртаева О.В., Сытых О.Л. Ментальные репрезентации верующих в общественном сознании населения азиатского приграничья России // Society and Security Insights. 2026. Т. 9, № 1. С. 13–34. doi: 10.14258/ssi(2026)1–01

Mental Representations of Believers in the Public Consciousness of the Population of the Asian Borderland of Russia

Daria O. Omelchenko¹

Svetlana G. Maximova²

Olga V. Surtaeva³

Olga L. Sytykh⁴

---

¹Altai State University, Barnaul, Russia, Russian biotechnological university, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>, omelchenko@socio.asu.ru

---

²Russian biotechnological university, Moscow, Russia, Altai State University, Barnaul, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>, svet-maximova@yandex.ru

---

³Altai State University, Barnaul, Russia, Russian biotechnological university, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>, bubka_s@mail.ru

---

⁴Altai State University, Barnaul, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3986>, sytykh@yandex.ru

Abstract. The perception of faith and religion in society demonstrates a complex dynamic shaped by the interplay between traditional institutional frameworks and an increasing individualized spiritual search. The study presented in this article focuses on the mental representations of believers in the public consciousness of populations in the Asian border regions of Russia — Altai Krai and the Republic of Altai. Psychosemantic methods of multiple identification were employed to analyze images of various religious roles, based on continuum between believers and non-believers, and peculiarities of confessional situation in two regions. The sample consisted of 144 respondents with diverse ethnic and confessional identities. Factor analysis and multidimensional variance analysis were applied to analyze these images and uncover latent evaluative structures. The research revealed a complex and multilayered structure of religious images, reflecting the profound mutual influence of regional cultural characteristics and social meaning constructs. The identified factors represent three primary dimensions of spirituality: personal morality, interconfessional interaction, and religious nationalism, each characterized by a distinct set of semantic attributes and social significances. Orthodoxy and Buddhism are predominantly perceived positively, whereas images of Muslims and non-believers exhibit greater ambiguity and internal contradictions. The findings underscore the need for a comprehensive approach to studying religious identity in diverse socio-cultural contexts. Additionally, the study highlights the ongoing negotiation of religious identities amid regional diversities and societal transformations.

Keywords: mental representations, social perception, images of believers, semantic space, categorical structures of consciousness, public consciousness, border regions, Asian borderland of Russia

Financial Support: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-48-03002. The title of the project «Religious landscapes of the Russian-Mongolian borderlands: institutional and network mechanisms of construction of religious and ethnic identities and security in conditions of post-secular reality».

For citation: Omelchenko, D. A., Maximova, S. G., Surtaeva, O. V., Sytykh, O. L. (2026). Mental Representations of Believers in the Public Consciousness of the Population of the Asian Borderland of Russia. *Society and Security Insights*, 9(1), 13–34. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2026)1-01

Введение

В современном обществе религия как организованная система верований, обрядов и норм поведения продолжает оставаться важным основанием социальной идентификации, способом сохранения традиционных основ, материальной

и духовной культуры. Отказ от тезиса поступательной секуляризации привел к необходимости пересборки социальной теории религии и концептуализации веры в качестве «мировоззренческой опции», сосуществующей с другими альтернативами внутри так называемой «имманентной рамки» (Ч. Тейлор), что породило множество исследований «имплицитной религии» и постинституциональной духовности. Стало понятно, что ригидные концептуальные дихотомии между верующими и неверующими не схватывают эмпирическое разнообразие между различными категориями граждан (Turner, 2014; Павлов, 2025).

Следствием индивидуальных ответов на смысложизненные вопросы и поисков новой трансцендентности стало появление понятия «практикующей принадлежности» как особого варианта религиозного самосознания и определения религии «как человеческих отношений» (Ziebertz, Kalbheim, Riegel, 2006; Ореханов, 2015; Петров, 2017; Fujiwara, 2019). Изменения отношения к вере и религии, религиозным лидерам и практикам требуют научной рефлексии. Особый интерес представляют изменения, касающиеся содержания религиозных образов, которые, с одной стороны, являются отражением трансформирующихся религиозных представлений и религиозной идентичности воспринимающего, с другой стороны, формируются в результате информационного и идеологического воздействия со стороны институциональной среды, стремящейся к сохранению и упрочению своих позиций, суверенитета и безопасности. Содержание этих образов и измерений категоризации стало предметом нашего анализа.

Религия является очень чувствительной темой и воспринимается довольно дифференцированно. Так, например, А. Портман и Д. Плюс описывают 13 паттернов, на основе которых какая-либо религия оценивается как «хорошая» или «плохая»: автономности, свободы и принуждения, приватности и публичности, отношения к иноверцам или неверующим, социальной поддержки нуждающихся, взаимосвязей с просветительской деятельностью, эстетическими аспектами. Авторы заключают, что одним из важных факторов является ассимиляция религии, ее включенность в общую систему норм. В случае если религия оценивается как затворническая, обособленная, она, скорее всего, будет воспринята в негативном ключе (Portmann, Plüss, 2011). Развивая похожие идеи, Р. Орси уточняет, что основания дихотомии, разделяющей религии и их адептов на «хорошие» и «плохие», не являются раз и навсегда заданными, они в терминах З. Баумана «флюидны», но результат ее действия узнаваем: хорошие религии отвечают нормам и ожиданиям современного общества, и причины для ее воспроизводства имеют исторические, в том числе связанные с академическим изучением религии, экономические, отражающие процессы развития и модернизации, и идеологические компоненты (Orsi, 2022).

На восприятие религии и межконфессиональных отношений оказывают влияние не только актуальная повестка, наличие конфликтов между конфессиями. Значение имеют даже не вполне очевидные вещи, такие, например, как вербальное обозначение религиозных групп. Так, маркирование какой-то группы как «культы» приводит к ее крайне негативной оценке, в то время как обозначение

ние ее как «религиозного движения» или нового христианского направления, новой церкви воспринимается скорее положительно или нейтрально (Olson, 2006). Хотя членство в религиозной группе с точки зрения восприятия является сложно конструируемым, некоторые исследования пытаются установить значимые показатели, позволяющие определить религиозную идентичность. Так, эксперименты выявили, что религиозная принадлежность может определяться бессознательно по анализу черт лица, через показатели здоровья (внешнего вида, кожи, веса) и другие маркеры (Rule, Garrett, Ambady, 2010).

Большинство современных обществ являются многоконфессиональными, и регионы азиатского приграничья России не только не являются исключением, но и обладают в этой ситуации многообразия особыми чертами, сформированными в результате межконфессиональных контактов и долгосрочных отношений взаимного соседства. Азиатское приграничье России, представленное регионами Сибири и Дальнего Востока, привлекает исследователей не только мозаичностью конфессионального состава и исторически сформированными культурными пластами, образовавшимися в результате многочисленных этапов расселения и переселения народов. Синтез внешнего и внутреннего, глобального и локального по настоящее время остается нервом повседневной жизни межэтнических сообществ региона, что вызывает интерес к исследованию религиозных ландшафтов (Борисенко, 2017; Ерохина, 2020), причем не только материальных, но и ментальных, представляющих варибельность религиозного сознания и самосознания населения (Ermische, 2004; Максимова, Ноянзина, Омельченко, 2023).

Под ментальными репрезентациями мы понимаем теоретически определяемый и эмпирически оцениваемый конструкт, обладающий значимыми семантическими свойствами (содержанием, референтностью, ценностью, истинностью и пр.). Это когнитивные структуры или схемы, отражающие одновременно процесс и результат ментального отображения действительности, усвоенные человеком знания и способы обработки информации. Ментальные репрезентации являются результатом перцептивных и мыслительных процессов, это внутренние описания предметов, явлений и событий, формирующих субъективную картину окружающего мира (Кубрякова, Демьянков, 2007; Альперович, 2021).

Ментальные репрезентации веры и религиозности не существуют изолированно, а формируют структуру отношений, позиции в которой определяются на основе оценок сходства и близости между отдельными религиями, верующими и неверующими. Для изучения таких феноменов в психологии восприятия введен особый термин — реляционные репрезентации, которые, во-первых, имеют символический характер, т.е. отношения между объектами воспринимаются эксплицитно на основе некоторых примитивов (как символы, узлы в сети, нейроны), что позволяет выстроить отношения между ними. Вторым фундаментальным свойством является семантическая насыщенность (*semantical richness*), означающая, что значения отношений не являются некоторыми «невидимыми дырами», а формируются в приложении к индивидуальным ролям, которые сравниваются в конкретный момент времени. Сходство и взаимное расположе-

ние ролей является уникальным и специфичным для индивида или группы и основывается не на формальных отношениях, а на определенном семантическом контенте, выявить который и является задачей таких исследований (Doumas, Hummel, 2005). Кроме того, важным является различие того, что репрезентируется, какие аспекты кодируются, каковы отношения между репрезентируемыми объектами (Hubbard, 2007; Brown-Iannuzzi, McKee, Gervais, 2018). Так изучение образов верующих как реляционных ментальных репрезентаций приобретает особое значение в современных социокультурных условиях, характеризующихся динамикой трансформации религиозных идентичностей и многоуровневым взаимодействием традиционных и постмодернистских дискурсов, что обуславливает необходимость поиска методологических подходов для выявления глубинных смысловых структур и конструкторов общественного сознания, в том числе в особых географических условиях.

Дизайн исследования

С учетом вышесказанного для анализа ментальных репрезентаций верующих, как значимой характеристики религиозной ситуации и межконфессиональных отношений в азиатских приграничных регионах, был выбран психосемантический метод «множественных идентификаций», в котором личностные и стереотипные образы сопоставляются через приписывание тому или иному образу определенных поступков, мнений и стилей поведения (Петренко, 2012). Множественная идентификация как производная индивидуального и коллективного опыта представляет собой оценку вероятности принятия той или иной роли, отношение к ней. Поскольку понимание и оценка тех или иных поступков зависит от особенностей их идентификации испытуемыми, полученные результаты самооценки, социальные представления, установки, стереотипы выступают показателями той или иной идентичности (Митина, Цой, 2021).

Ролевыми позициями для множественных идентификаций являлись образы «Я», обладающие различными религиозными убеждениями и религиозными идентичностями, формирующими континуум градаций от веры до отрицания трансцендентных основ религиозного мировосприятия (агностицизма и атеизма). В качестве дополнительного основания для различения использовались особенности конфессиональной ситуации, предполагающие учет религий, наиболее распространенных в азиатском приграничье. Список объектов для оценивания был следующим: «Православный», «Неправославный христианин (католик, протестант и пр.)», «Представитель традиционных верований (шаманизм, тенгрианство, бурханизм и пр.)», «Буддист», «Мусульманин», «Неверующий (атеист)».

Для оценки указанных позиций были необходимы шкалы, которые, с одной стороны, позволяли бы выявить особенности их восприятия в системе общих смысловых детерминант, задаваемых религиозной тематикой, с другой стороны, являлись бы универсальными личностными атрибутами, не зависящими от религиозных убеждений. Наиболее подходящим конструктором, объединяющим религиозность и универсальные моральные и ценностные модусы, являлась

духовность, понимаемая нами как качественная характеристика сознания и психического мира личности, ассоциирующаяся с нравственным началом в противовес рациональности, связанной прагматическими ориентациями.

В психологии религии духовность часто связывается с пятифакторной моделью личности и оценивается на основе шкалы духовной трансцендентности (STS — Spiritual Transcendency Scale). Широкое использование духовности как значимого фактора в медицинской литературе сопряжено с использованием шкал духовного благополучия и духовной вовлеченности и верований (например, Spiritual Well-Being Scale, The Spiritual Involvement and Beliefs Scale, SIBS). В источниках по трансперсональной психологии описываются шкалы оценки духовности (Spirituality Assessment Scale, SAS), духовной ориентации (Spiritual Orientation Inventon), индекс духовного опыта (Index of Core Spiritual Experience, INSPIRIT), шкала мистического опыта (Mystical Experiences Scale, M-Scale) и др. Однако, к сожалению, большинство этих методик не переведены на русский язык и не адаптированы к российским реалиям (Дивисенко, 2017).

При выборе методики для оценки шкал-дескрипторов мы стремились, во-первых, подойти к исследованию духовности как отдельному измерению, не смешивая с другими категориями (такими, например, как благополучие), во-вторых, духовность должна была пониматься как кроссконфессиональное качество. В конечном итоге для целей исследования была отобрана методика «Духовная личность» (Spiritual Personality Inventory, Husain, Luqman), адаптированная Г.В. Ожигановой (Ожиганова, 2019; 2020), включающая утверждения, оцениваемые по пятибалльным шкалам — от «полностью согласен» до «полностью не согласен» и распределенные по пяти ключевым факторам: высокая нравственность и мудрость; самоконтроль; надежность и ответственность; духовность отношений; правдивость и удовлетворенность. Респонденты оценивали ролевые позиции по указанным утверждениям и некоторым дополнительным шкалам, оценивающим отношение к другим религиям, а также отвечали на ряд дополнительных вопросов, направленных на изучение их социально-демографических характеристик (пол, возраст, место проживания), социального положения (род занятости), уровня образования, религиозной идентификации (отнесение себя к одному из вероисповеданий) и уровня религиозности (самооценка выраженности религиозности).

Первичные эмпирические данные оценивались методами описательной статистики и дисперсионного анализа для выявления сходства и различий между образами. Далее матрицы средних значений обрабатывались с помощью факторного анализа, что позволило построить семантические пространства как проекции объектов оценивания на оси категоризации, задаваемые обобщенными взаимосвязями между дескрипторами.

Психосемантические эксперименты были проведены в Алтайском крае и Республике Алтай, количество участников — 60 и 84 человека соответственно. Распределение по полу: доля женщин в выборочной совокупности в Алтайском крае составила 74,6%, в Республике Алтай — 67,9%, мужчин — 25,4% и 32,1%. Возраст

опрошенных варьировал от 17 до 72 лет, средний возраст — 39,1 года (SD = 10,8, 95% CI 37,0–40,7 года), медианный возраст 38 лет. Возрастная структура опрошенных в Алтайском крае: до 35 лет — 47,4%, 36–49 лет — 38,6%, 50 лет и старше — 14,0%, в Республике Алтай: до 35 лет — 30,7%, 36–49 лет — 53,3%, 50 лет и старше — 16,0%. Примерно треть участников в Алтайском крае и каждый пятый участник в национальной республике имели среднее профессиональное образование, 6,8% и 3,6% — среднее (полное) общее образование, 50,8% респондентов в Алтайском крае и 61,9% — в Республике Алтай имели высшее образование или более высокие образовательные уровни. Другие образовательные группы были представлены незначительно.

В Алтайском крае треть опрошенных (30,5%) проживали в г. Барнауле, оставшиеся респонденты представляли муниципальные районы края. В Республике Алтай более половины (53,7%), в каждом из сельских районов опрошено от 4 до 8 чел.

В Алтайском крае практически все участники экспериментов были русскими (94,9%). В Республике Алтай почти треть опрошенных принадлежали к этнической группе алтайцев (алтай-кижи), 48,8% были русскими. В выборке также были представлены теленгиты (4,8%), казахи (3,6%), татары (2,4%). Что касается конфессиональной принадлежности, то ее структура в Алтайском крае характеризовалась преобладанием православных (55,9%) и неверующих (22%), в незначительной степени присутствовали старообрядцы (5,1%), протестанты (1,7%), 3,4% опрошенных считали себя православными, но отказывались причисляться к РПЦ, 1,7% — относили себя в целом к «христианам», но не считали возможным самоопределение в рамках определенных церквей, 1,7% являлись буддистами, столько же — исповедовали традиционную религию своих предков.

В Республике Алтай доля православных была в два раза меньше, чем в Алтайском крае (26,2%), тогда как ведущей была языческая идентификация, ориентация на народную религию (32,1%). Около 5% являлись христианами в широком смысле, 6,0% исповедовали ислам — это, как правило, казахи, проживающие в Кош-Агачском районе (табл. 1).

Таблица 1

Социально-демографические и этноконфессиональные характеристики опрошенных в Алтайском крае и Республике Алтай

Table 1

Socio-demographic and ethno-confessional characteristics of respondents in the Altai Krai and the Republic of Altai

Показатель	Алтайский край	Республика Алтай
Пол (мужской), %	25,4	32,1
Пол (женский), %	74,6	67,9
Возраст (m±SD), лет	37,1±11,45	39,1±10,8
Образование (высшее профессиональное), %	50,8	61,9
Национальность (русские), %	94,9	48,8

Окончание таблицы 1

Показатель	Алтайский край	Республика Алтай
Национальность (алтайцы), %	–	32,1
Национальность (другие этнические группы), %	5,1	19,1
Конфессиональная принадлежность (православие, старообрядчество), %	64,4	39,9
Конфессиональная принадлежность (протестантизм и другие неправославные христианские деноминации), %	3,4	4,8
Конфессиональная принадлежность (ислам), %	0,0	6,0
Конфессиональная принадлежность (буддизм), %	1,7	0,0
Конфессиональная принадлежность (традиционная религия предков, «алтайская вера»), %	1,7	32,1
Считаю себя неверующим, %	22,0	11,9

Результаты исследования

Парадигма психосемантических исследований ориентирована прежде всего на описание категориальных структур сознания, формирующих «оптику», направляющую социальное восприятие. Решению этой задачи максимально способствует факторный анализ с последующим конструированием семантических пространств, визуализирующих как сами конструкторы, так и результаты их применения.

Между тем уже на этапе предварительной обработки данных у исследователей появляется возможность получить важную информацию выраженности дескрипторов, сделать выводы о сходстве и различии объектов в свете смыслов, задаваемых оценочными шкалами.

Анализ средних значений позволил оценить диапазон варибельности ответов и построить профили по каждому образу. Для отбора дискриминирующих дескрипторов использовался t-критерий Стьюдента. В качестве эталонного значения была взята центральная позиция шкалы (3,0 балла). Предполагалось, что в случае нерелевантности конструктора для оценки элемента респонденты будут тяготеть к именно к такому ответу, тогда как для дифференцированного отношения будут выбираться варианты ответов, близкие к полюсам.

Так, в Алтайском крае оценки «Православного верующего» отличались выраженным фаворитизмом. Средние оценки варьировали от 2,69 до 3,36 балла и, кроме трех дескрипторов, статистически значимо (здесь и далее $p < 0,05$) отклонялись от центра шкалы в сторону положительного полюса. Нейтральные оценки были даны только по дескрипторам «открыт к новому религиозному опыту, духовным практикам», «выступает за сотрудничество между религиями», «связан с определенным народом, нацией», что можно трактовать как наличие некоторых сомнений в отношении типичного отношения православных к верующим других конфессий. Вторая позиция — «Неправославного христианина» была оценена, напротив, слишком нейтрально. Ни один из показателей значимо не отклонялся от центра шкалы.

нялся от средних значений, что указывало на отсутствие четких представлений о группах верующих, разделяющих общие христианские ценности и основы верования, но практикующих в рамках отличных от православных верующих институций. «Последователи ислама» являлись одной из наиболее противоречиво оцениваемых позиций. По семи дескрипторам («полон доброты», «контролирует себя», «проявляет смирение», «искренний», «миролюбивый, неконфликтный», «открыт новому религиозному опыту», «выступает за сотрудничество между религиями») средние значения были достоверно ниже среднего значения по шкале, что указывало на в целом сниженный профиль позиции.

Последователи традиционных верований воспринимались позитивнее неправославных христиан и мусульман, что являлось косвенным признаком одобрения данных верований, их включенности в основную канву религиозных практик, распространенных в регионе, и потому воспринимаемых как достаточно привычных, обыденных. Различия с центром шкалы носили недостоверный характер.

Буддизм не является религией, распространенной на территории Алтайского края, и, в отличие от других национальных приграничных регионов (республик Алтай, Тыва, Бурятия), здесь нет исторически обусловленной связи и тесных контактов с мировыми школами буддизма. Буддизм развит преимущественно среди представителей этнических групп, для которых он является национально идентифицирующим (тувинцы, монголы, алтайцы), либо скорее не как религиозная, а духовная система мировоззренческих позиций и телесных практик, разделяемых некоторыми гражданами. Между тем эта позиция являлась привлекательной для участников эксперимента, ее наиболее выраженными характеристиками являлись: «обладает духовной силой» (3,21), «совершает добродетельные поступки» (3,19), «обладает мудростью» (3,19), «стремится к чистоте в мыслях и поступках» (3,17), «обладает жизнестойкостью» (3,17), по другим дескрипторам отличия лежали в пределах статистической погрешности.

Референтная позиция «Атеиста» представляла крайний вариант континуума религиозности/нерелигиозности. Поскольку почти пятая часть опрошенных не считали себя верующими, для многих это был референтный образ. Участники в среднем оценивали атеиста как не обладающего чувством священного (среднее значение 2,76) и не вмешивающегося во взаимодействия между религиозными формальными и неформальными институтами (оценка по соответствующему дескриптору 2,7 балла). Максимальные оценки были получены по критериям твердости, справедливости и терпеливости (рис. 1).

На данных Республики Алтай проводилась аналогичная процедура анализа профилей. О православных верующих у жителей республики были сформированы в основном позитивные представления. Православные описывались как стремящиеся к чистоте в мыслях и поступках (3,37), добродетельные (3,35), обладающие духовной силой (3,34), проявляющие сострадание и милосердие (3,34), прощающие, справедливые и надежные (средние выше 3,3 балла). Четко выражалось мнение о том, что православие ориентировано на сближение и диалог с дру-

гими конфессиями и не приемлет доминирования в данной сфере (средняя оценка по соответствующему дескриптору 2,55).

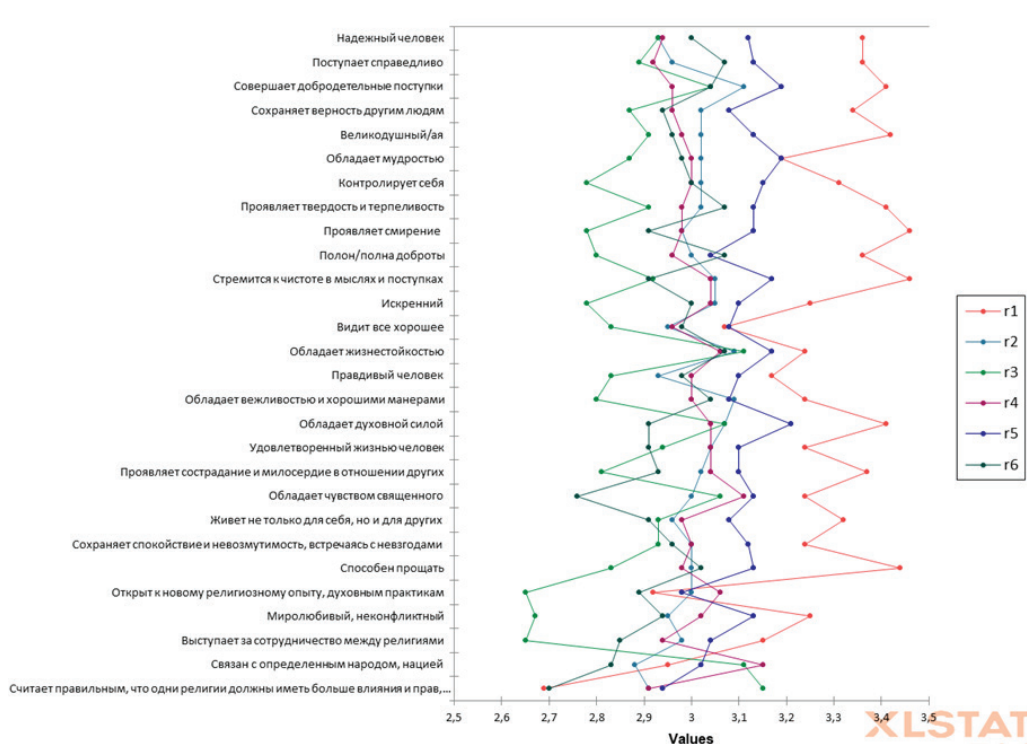

Рисунок 1 — Средние оценки дескрипторов по ролевым позициям. Условные обозначения: r1 — «Православный», r2 — «Неправославный христианин», r3 — «Мусульманин», r4 — «Представитель традиционных верований», r5 — «Буддист», r6 — «Неверующий (атеист)» (Алтайский край)

Figure 1 — Average ratings of descriptors by role positions. Notation: r1 — Orthodox, r2 — Non-Orthodox Christian, r3 — Muslim, r4 — Representative of traditional beliefs, r5 — Buddhist, r6 — Non-believer (atheist) (Altai Krai)

Неправославные христиане по большинству показателей имели средние оценки, близкие к центру шкалы. Они воспринимались как своеобразные борцы за права верующих, им приписывались такие свойства, как эгоистичность (противоположная тенденция, заложенная в дескрипторе, — жить не только для себя, но и для других) и недостаточно высокая надежность.

Мусульмане оценивались достаточно настороженно: несмотря на то что в ряде районов республики, например в Кош-Агачском районе, ислам исповедуется среди казахского населения и в регионе проживают по разным оценкам более 30 тыс. мусульман, по многим характеристикам оценки были заниженными, что указывало на наличие предрассудков и предвзятое отношение к представителям данной религии. В частности, мусульмане оценивались как жизнестой-

кие (3,19), связанные с определенным народом и нацией (3,18), при этом, согласно оценкам жителей, у них не были сильно развиты оптимизм и великодушие, они имели сложности с самоконтролем и проявлением искренности. Наиболее важные для нашего исследования дескрипторы также указывали на то, что местные жители воспринимали мусульман как возможный источник конфликта (среднее значение по дескриптору «миролюбивый, неконфликтный» — 2,58, а ислам — как религию, недостаточно открытую к другому религиозному опыту и взаимодействию с иноверцами (2,58).

Шаманизм и языческие культы в Республике Алтай тесно связаны со взаимодействием с природой, духовным миром предков, историей народа, являлись неотъемлемой частью регионального культурного кода, и этническая идентичность многих этнических групп фундировалась мировоззренческими и ценностными позициями, формировавшими особую «алтайскую веру» — синкретическую религиозную систему на стыке нескольких религиозных традиций: бурханизма, шаманизма, тенгрианства и других национальных культов. Оценивая соответствующую позицию в ходе эксперимента, жители подчеркивали, что «традиционный верующий», как правило, связан с определенным народом и нацией (среднее значение 3,31), обладает чувством священного (3,25), при этом характеризуется толерантностью к другим религиям и выступает за их равноправное положение (значение по противоположному по смыслу дескриптору — 2,69).

Положительно в регионе была воспринята и позиция «Буддиста». По 13 дескрипторам из 28 были получены значимые отклонения в сторону положительного полюса шкал. Последователи буддизма ассоциировались с чистотой в мыслях и поступках, духовной силой, обладанием чувством священного, мудростью, высоким самоконтролем, спокойствием и невозмутимостью и одновременно смирением и милосердием в отношении других (средние значения выше 3,2 балла). Кроме вышперечисленного, «Буддист» воспринимался как человек с твердым и жизнестойким, но миролюбивым характером, который считает, что все религии имеют равные права на существование в современном мире.

В то же время жители Республики Алтай при высоких оценках собственной религиозности негативно относились к тем, кто не принадлежал ни к какому вероисповеданию. «Атеист», по мнению жителей республики, был менее справедливым и великодушным, надежным, реже проявлял смирение, был не способен следовать требованиям духовной и моральной «чистоты» (рис. 2).

Многомерный дисперсионный анализ (в качестве независимого фактора выступала переменная с позициями верующих) показал достоверные различия по группам в обоих регионах (по всем четырем тестам, приводимым в программе SPSS, посредством которой проводился анализ, — след Пиллаи, лямбда Уилкса, след Хотеллинга, наибольший корень Роя, $p < 0,001$). Последующий анализ межгрупповых эффектов показал, что в Алтайском крае различия были значи-

мыми по всем дескрипторам, кроме следующих: «видит все хорошее» ($F = 0,99$, $p = 0,42$), «обладает жизнестойкостью» ($F = 0,66$, $p = 0,65$), «правдивый человек» ($F = 1,91$, $p = 0,09$), «удовлетворенный жизнью человек» ($F = 2,15$, $p = 0,06$), «связан с определенным народом, нацией» ($F = 1,48$, $p = 0,20$). В Республике Алтай слабой дискриминативностью обладал дескриптор «правдивый человек» ($F = 2,16$, $p = 0,06$). Согласно апостериорным тестам в Алтайском крае оценки православных противопоставлялись всем остальным, в ряде случаев все позиции противопоставлялись образу мусульман (особенно по критериям контроля над собой, смирения, доброты, искренности). В Республике Алтай при сохранении сходных высоких оценок православных, буддистов и представителей народных религий в качестве контрастной группы выступали две — «Неверующие (атеисты)» и «Мусульмане».

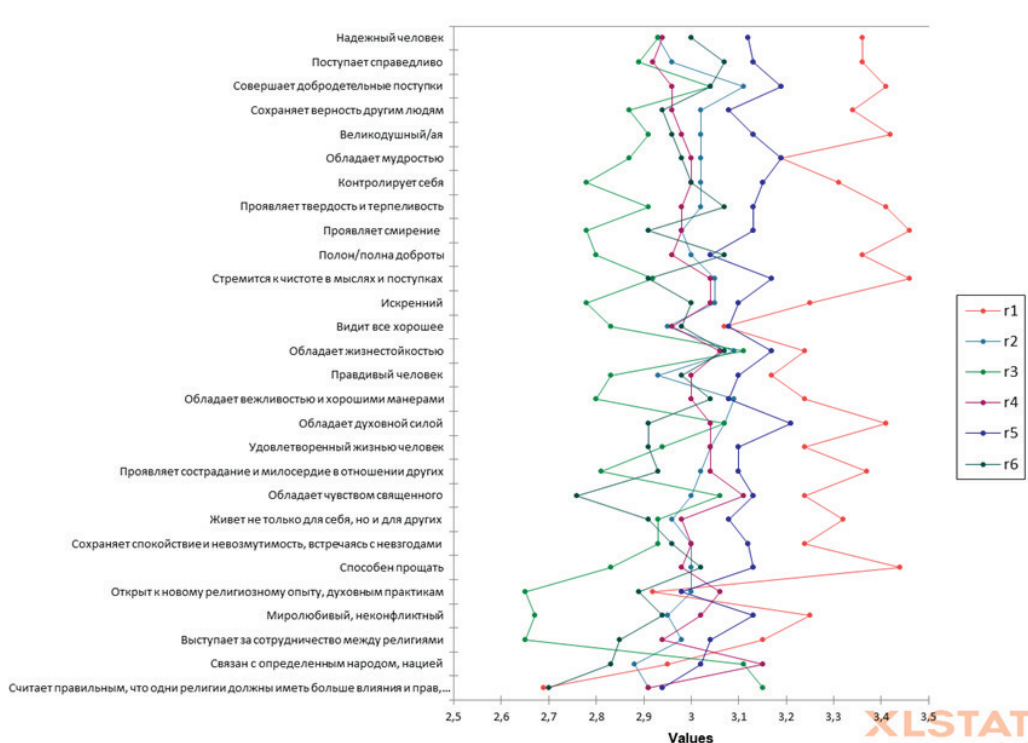

Рисунок 2 — Средние оценки дескрипторов по ролевым позициям. Условные обозначения:

r1 — «Православный», r2 — «Неправославный христианин», r3 — «Мусульманин»,
 r4 — «Представитель традиционных верований»,
 r5 — «Буддист», r6 — «Неверующий (атеист)» (Республика Алтай)

Figure 2 — Average ratings of descriptors by role positions. Notation: r1 — Orthodox,
 r2 — Non-Orthodox Christian, r3 — Muslim, r4 — Representative of traditional
 beliefs, r5 — Buddhist, r6 — Non-believer (atheist) (Republic of Altai)

С целью дальнейшего обобщения на матрицах усредненных значений по дескрипторам был проведен факторный анализ (табл. 2).

Факторная модель в Алтайском крае включала три фактора (доля объясненной дисперсии 96,6%). Смысловое ядро первого фактора концентрировалось вокруг показателей жизнестойкости, духовной силы, добродетельных поступков, надежности и великодушия (нагрузки свыше 0,9), чистоты в помыслах, твердости и терпеливости, невозмутимости, справедливости, удовлетворенности жизнью (нагрузки свыше 0,8). В целом это был фактор духовной силы и настойчивости.

Второй фактор описывал социальную компоненту духовности, включающую такие характеристики, как сострадание и милосердие, самоконтроль, правдивость, мудрость, миролюбие, искренность, оптимизм, вежливость и хорошие манеры.

Третий фактор являлся биполярным, на одном полюсе располагались характеристики, связанные с явно выраженной религиозностью и религиозным доминированием («обладает чувством священного», «связан с определенным народом, нацией», «считает правильным, что одни религии должны иметь больше влияния и прав, чем другие»), на другом — показатели конструктивного взаимодействия с другими религиями («открыт новому религиозному опыту, духовным практикам»), что в целом соответствовало фактору религиозного национализма — религиозного плюрализма.

В Республике Алтай факторный анализ также позволил выделить три фактора (доля совокупной дисперсии 97,4%). Первый фактор являлся фактором общей оценки духовности, описывающим высоконравственную личность, ориентированную на идеалы справедливости и альтруизма, милосердия, правдивости и великодушия (нагрузки выше 0,8). Дополнительные смыслы и коннотации проявлялись в показателях душевной чистоты и внешних проявлениях (искренность, доброта, хорошие манеры, способность выдерживать трудности, нагрузки выше 0,7).

Второй фактор аккумулировал значения, связанные с межконфессиональными взаимодействиями: «открыт к новому религиозному опыту, духовным практикам» (0,93), «миролюбивый, неконфликтный» (0,82), «выступает за сотрудничество между религиями» (0,82), «контролирует себя» (0,75), «проявляет смирение» (0,63), «сохраняет спокойствие и невозмутимость, встречаясь с невзгодами» (0,63). Слои значений третьего фактора образовывались, с одной стороны, взаимосвязями между восприятием чувства священного, ассоциациями религиозности с этническими параметрами личности и распределением влияния между конфессиями (три ведущих нагрузки, свыше 0,7–0,8), которые в сознании опрошенных по меньшей мере частично связывались с характеристиками твердости, духовной силы, мудрости и удовлетворенности жизнью.

Таблица 2

Результаты факторного анализа (метод главных компонент, вращение Варимакс), показаны нагрузки свыше 0,5. Алтайский край, Республика Алтай

Table 2

Results of factor analysis (principal component method, Varimax rotation), loadings above 0,5 are shown. Altai Krai, Republic of Altai

	Алтайский край			Республика Алтай		
	Ф1	Ф2	Ф3	Ф1	Ф2	Ф3
Надежный человек	0,95			0,92		
Совершает добродетельные поступки	0,91			0,94		
Правдивый человек	0,90			0,67	0,67	
Поступает справедливо	0,89			0,83		
Великодушный/ая	0,88			0,91		
Живет не только для себя, но и для других	0,88			0,93		
Проявляет сострадание и милосердие в отношении других	0,87			0,78	0,60	
Сохраняет верность другим людям	0,86			0,87		
Способен прощать	0,85			0,83		
Искренний	0,79	0,57			0,78	
Стремится к чистоте в мыслях и поступках	0,79	0,52		0,89		
Полон/полна доброты	0,77	0,64		0,71		
Обладает вежливостью и хорошими манерами	0,73				0,72	
Обладает жизнестойкостью	0,71		0,70	0,98		
Проявляет смирение	0,69	0,63		0,84		
Проявляет твердость и терпеливость	0,69		0,52	0,85		
Обладает духовной силой	0,68		0,59	0,95		
Сохраняет спокойствие и невозмутимость, встречаясь с невзгодами	0,68	0,63		0,87		
Удовлетворенный жизнью человек	0,63		0,68	0,83		
Видит все хорошее		0,75			0,75	
Обладает мудростью	0,60	0,52	0,59	0,66	0,67	
Миротлюбивый, неконфликтный		0,82			0,79	
Обладает чувством священного			0,72	0,70		-0,67
Выступает за сотрудничество между религиями		0,82			0,82	
Контролирует себя		0,75		0,69	0,68	
Открыт к новому религиозному опыту, духовным практикам		0,93				0,98
Связан с определенным народом, нацией			0,92			-0,91
Считает правильным, что одни религии должны иметь больше влияния и прав, чем другие			0,88		-0,539	-0,4

Далее на основе факторных значений были построены семантические пространства. Представим результаты, релевантные для Алтайского края. По первому фактору в области положительных значений располагались только две позиции — «Православного» и «Буддиста», позиция «Мусульманина» занимала нейтральную позицию близко к началу координат, тогда как в зоне отрицательных значений располагались все остальные. По второму фактору позиции «Православного», «Буддиста», «Представителя традиционных верований», «Неправославных христиан» противопоставлялись «Мусульманину», тогда как «Атеист» располагался в зоне значений, близких к нулевым. В пространстве, построенном на основе второго и третьего факторов (социальные аспекты и межконфессиональные отношения), происходило противопоставление всех позиций позиции «Мусульманина». По второму фактору светские проявления духовности (вежливость, хорошие манеры) противопоставлялись этноконфессиональному неравенству и религиозным нормам. В зоне положительных значений располагались позиции «Атеиста» (как наиболее светская позиция), «Православного» и «Христианина», а на противоположной стороне — как этнически маркированные, тесно связанные с религиозными догмами — позиции «Мусульманина», «Традиционного верующего» и «Буддиста» (рис. 3).

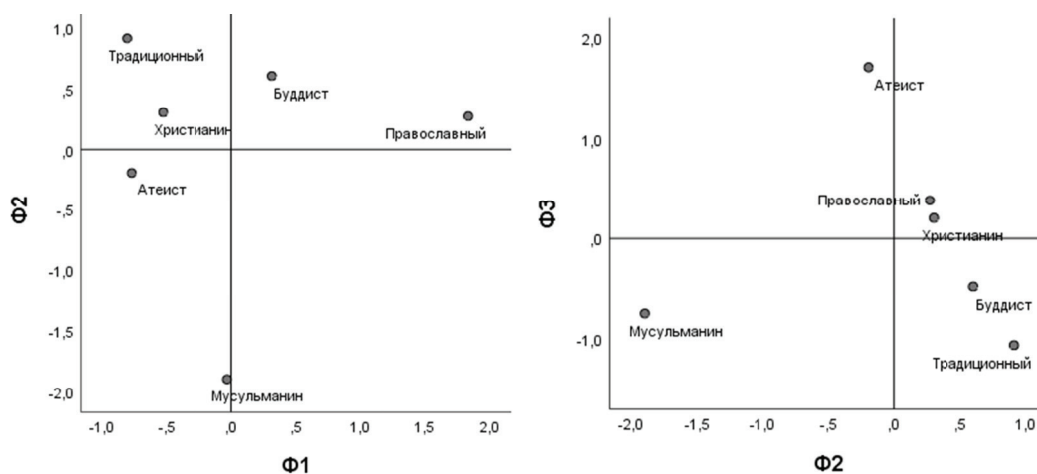

Рисунок 3 — Семантические пространства образов верующих (Алтайский край)

Figure 3 — Semantic spaces of images of believers (Altai Krai)

Семантическое пространство для Республики Алтай представлено на рисунке 4. Расположение позиций в нем указывает, во-первых, на обособленное восприятие позиции «Православных», занимающей крайнюю позицию на положительном полюсе по первому фактору и нейтральное положение по второму, во-вторых, на разделение позиций на ориентированные на межконфессиональный диалог («Буддисты», «Представители традиционных верований») и придерживающиеся противоположных позиций. Образ «Мусульманина» оценивается негативно по первому фактору, но и имеет минимальные значения по второму

фактору. В такой конфигурации «Мусульмане» в сознании опрошенных сближаются с «Атеистами», которые также не нацелены на сотрудничество с другими религиями и не обладают духовными добродетелями.

Разворот факторного пространства в сторону третьего фактора, который условно можно назвать фактором этноцентризма и конфессионального доминирования, показывает поляризацию образов. В пространстве видно противопоставление образа «Мусульманина», который не только воспринимается как закрытый для другого духовного опыта, пессимистический и конфликтный, но и приобретает негативные характеристики этнического превосходства и стремления обладать религиозным влиянием. Сходным образом воспринимается тройка позиций «Буддист» — «Христианин» — «Представитель традиционных верований», тогда как образ «Атеиста» сближается с образом «Православных» как не желающих сближения с другими религиями и конфессиями, но при этом не навязывающих свою позицию другим. В этом смысле в республике «Неверующие» воспринимаются нейтрально, как не обладающие конфликтным потенциалом (рис. 4).

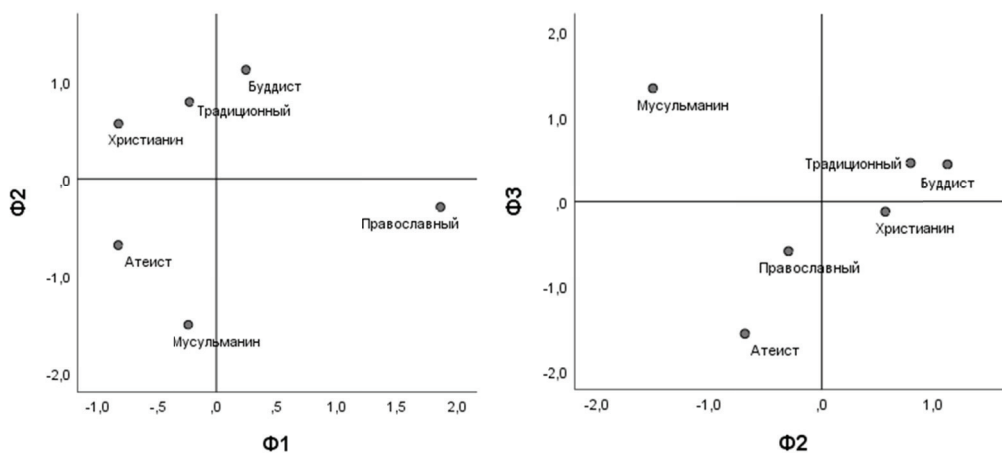

Рисунок 4 — Семантические пространства образов верующих (Республика Алтай)

Figure 4 — Semantic spaces of images of believers (Republic of Altai)

Заключение

Анализ особенностей восприятия религиозных образов в регионах азиатского приграничья показал, что они наделяются стереотипными чертами, определяющими упрощенное отношение к представителям религиозных групп. Православная идентичность позитивно оценивается по характеристикам духовности, но не обладает, по мнению опрошенных, потенциалом к межконфессиональным взаимодействиям (эти задачи лучше выполняют буддистская идентичность и народные верования). Ментальные репрезентации неправославных христиан отличаются сдержанностью, а их образ описывается через характеристики «светской духовности», что сближает их с позицией атеистов. Буддизм ассоциируется с проявлением доброты и смирения, искренностью, позитивным отношением к жизни,

ислам имеет сильные этнические коннотации и связь с религиозным доминированием, традиционные верования — с жизнестойкостью и нравственной чистотой.

Выявленные нами факторы позволили сопоставить образы верующих в регионах, значительно отличающихся конфессиональными сценами и динамикой межрелигиозных контактов. В Алтайском крае межконфессиональные взаимодействия выстраиваются при сильном влиянии Русской православной церкви, которая берет на себя функции организатора межконфессионального диалога по наиболее значимым темам. В Республике Алтай ситуация характеризуется большей мозаичностью, представленностью религиозных групп разного толка, взаимодействующих под влиянием активного процесса продвижения «алтайской народной религии» как значимого маркера национальной идентичности алтайских народов, формирование которого происходит в условиях конкуренции между духовными лидерами и предлагаемыми ими подходами (Малинов, 2025). Семантические пространства визуализировали, как меняется восприятие религий при смене «оптики», когда на первый план выходят те или иные конструкты. Их актуализация, очередность и приоритетность у различных социальных групп является перспективным направлением анализа, которому будут посвящены следующие этапы исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Альперович В. Д. Особенности интерпретативных репертуаров восприятия других людей в индивидуальных «образах мира» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 3, № 10. С. 229–239. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-229-239>

Борисенко М. А. Расселение населения в Алтайском крае: исторические этапы и территориальные особенности // География и природопользование Сибири. 2017. № 23. С. 38–49.

Дивисенко К. С. Духовное благополучие православных верующих: опыт социологического исследования // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы. СПб.: РХГА, 2017. С. 32–36.

Ерохина Е. А. Этноконфессиональный ландшафт Большого Алтая: старые традиции и новая религиозность // Ученые записки Алтайской государственной академии культуры и искусств. 2020. Т. 25, № 3. С. 79–83. <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2020-3-79-83>

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.

Малинов А. В. Религиозно-мифологические аспекты национального сознания (на материале Республики Алтай) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2025. Т. 28, № 1. С. 208–231. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.9>

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А. Многомерный подход к оценке религиозности населения в азиатском приграничье России // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 39–60. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2023\)4-03](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)4-03)

Митина О. В., Цой С. В. Психосемантический анализ представлений о ненависти // Цифровые технологии на службе педагогики и психологии. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2021. С. 144–148.

Ожиганова Г. В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // *Experimental Psychology*. 2019. Т. 12, № 4. С. 160–176. doi: 10.17759/expps.2019120413

Ожиганова Г. В. Духовно-нравственные качества личности и эмпатия как компоненты высших моральных способностей: верификация взаимосвязи на российской выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 4. С. 637–655. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-637-655>

Ореханов Г. «Patchwork-religiosität» («лоскутная религиозность»): особенности изучения явления в современном немецком контексте // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. Т. 6, № 62. С. 94–112.

Павлов И. И. От имманентной рамки к имманентным логикам: развитие теории секуляризации Ч. Тейлора // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. Т. 43, № 2. С. 238–265.

Петренко В. Психосемантический подход к изучению искусства как формы познания и конструирования мира и себя самого // Развитие личности. 2012. № 1. С. 58–80.

Петров Д. Б. Внеконфессиональная религиозность россиян: опросы, интервью, мониторинг Рунета // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, № 2. С. 172–176. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-2-172-176>

Brown-Iannuzzi J. L., McKee S., Gervais W. M. Atheist horns and religious halos: Mental representations of atheists and theists // *Journal of Experimental Psychology*, 2018. No. 147(2). P. 292–297. <https://doi.org/10.1037/xge0000376>

Doumas L. A., Hummel J. E. Approaches to modeling human mental representations: What works, what doesn't and why // K. J. Holyoak, R. G. Morrison (Eds.). *The Cambridge handbook of thinking and reasoning*. Cambridge, 2005. P. 73–94.

Ermischer G. Mental landscape: landscape as idea and concept // *Landscape Research*. 2004. Vol. 29, no. 4. P. 371–383.

Fujiwara S. Practicing Belonging?: Non-Religiousness in Twenty-First Century Japan // *Journal of Religion in Japan*. 2019. Vol. 8, no. 1–3. P. 123–150. <https://doi.org/10.1163/22118349-00801008>

Hubbard T. What is mental representation?: And how does it relate to consciousness? // *Journal of Consciousness Studies*. 2007. Vol. 14, no. 1–2. P. 37–61.

Olson P. J. The public perception of “cults” and “new religious movements” // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2006. Vol. 45, no. 1. P. 97–106. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2006.00008.x>

- Orsi R. A. The study of religion on the other side of the good religion/bad religion binary. *Journal of Religious Ethics*, 2022. Vol. 50, no. 2. P. 312–317. <https://doi.org/10.1111/jore.12397>
- Portmann A., Plüss D. Good religion or bad religion: Distanced church-members and their perception of religion and religious plurality // *Journal of Empirical Theology*. 2011. Vol. 24, no. 2. P. 180–196.
- Rule N. O., Garrett J. V., Ambady N. On the perception of religious group membership from faces // *PloS one*. 2010. Vol. 5, no. 12. P. e14241. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0014241>
- Turner B. S. Religion and contemporary sociological theories // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62, no. 6. P. 771–788. <https://doi.org/10.1177/00113921145332>
- Ziebertz H. G., Kalbheim B., Riegel U. A typology of religious attitudes among young people in Germany // *Journal of Beliefs & Values*. 2006. Vol. 27, no. 2. P. 203–214. <https://doi.org/10.1080/13617670600849945>

REFERENCES

- Alperovich, V. D. (2021). Features of interpretative repertoires of perceiving other people in individual “world images”. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*, 3(10), 229–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-3-229-239>
- Borisenko, M. A. (2017). Population settlement in Altai Krai: Historical stages and territorial features. *Geografiya i prirodopolzovanie Sibiri*, 23, 38–49. (In Russ.).
- Divisenko, K. S. (2017). Spiritual well-being of Orthodox believers: Sociological research experience. In: *Social Service of the Orthodox Church: Problems, Practices, Prospects* (pp. 32–36). Sankt-Peterburg: RKhGA. (In Russ.).
- Erokhina, E. A. (2020). Ethno-confessional landscape of Greater Altai: Old traditions and new religiosity. *Uchenye zapiski Altayskoj gosudarstvennoj akademii kultury i iskusstv*, 25(3), 79–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2020-3-79-83>
- Kubryakova, E. S., & Demyankov, V. Z. (2007). On the problem of mental representations. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 4, 8–16. (In Russ.).
- Malinov, A. V. (2025). Religious and mythological aspects of national consciousness (based on materials from the Altai Republic). *Zhurnal sociologii i sotsialnoj antropologii*, 28(1), 208–231. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.9>
- Maximova, S. G., Noyanzina, O. E., & Omelchenko, D. A. (2023). Multidimensional approach to assessing religiosity of the population in the Asian borderland of Russia. *Society and Security Insights*, 6(4), 39–60. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2023\)4-03](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)4-03) (In Russ.).
- Mitina, O. V., & Tsoy, S. V. (2021). Psychosemantic analysis of representations of hatred. In: *Digital technologies in the service of pedagogy and psychology* (pp. 144–148). Kolomna: State Social and Humanitarian University. (In Russ.).
- Ozhiganova, G. V. (2019). Adaptation of the Spiritual Personality questionnaire for a Russian-speaking sample. *Ekspperimentalnaya psihologiya*, 12(4), 160–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120413>

- Ozhiganova, G. V. (2020). Spiritual and moral qualities of personality and empathy as components of higher moral abilities: Validation of the relationship in a Russian sample. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, 17(4), 637–655. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-637-655> (In Russ.).
- Orekhanov, G. (2015). “Patchwork religiosity”: Features of studying the phenomenon in contemporary German context. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 662), 94–112. (In Russ.).
- Pavlov, I. I. (2025). From the immanent frame to immanent logics: Development of Charles Taylor’s theory of secularization. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, 43(2), 238–265. (In Russ.).
- Petrenko, V. (2012). Psychosemantic approach to the study of art as a form of cognition and construction of the world and self. *Razvitie lichnosti*, 1, 58–80. (In Russ.).
- Petrov, D. B. (2017). Non-confessional religiosity of Russians: Surveys, interviews, Ru-net monitoring. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 17(2), 172–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-2-172-176>
- Brown-Iannuzzi, J. L., McKee, S., & Gervais, W. M. (2018). Atheist horns and religious halos: Mental representations of atheists and theists. *Journal of Experimental Psychology*, 147(2), 292–297. <https://doi.org/10.1037/xge0000376>
- Doumas, L. A., & Hummel, J. E. (2005). Approaches to modeling human mental representations: What works, what doesn’t and why. In K.J. Holyoak & R.G. Morrison (Eds.), *The Cambridge handbook of thinking and reasoning* (pp. 73–94). Cambridge: Cambridge University Press.
- Ermischer, G. (2004). Mental landscape: Landscape as idea and concept. *Landscape Research*, 29(4), 371–383.
- Fujiwara, S. (2019). Practicing belonging?: Non-religiousness in twenty-first century Japan. *Journal of Religion in Japan*, 8(1–3), 123–150. <https://doi.org/10.1163/22118349-00801008>
- Hubbard, T. (2007). What is mental representation? And how does it relate to consciousness? *Journal of Consciousness Studies*, 14(1–2), 37–61.
- Olson, P. J. (2006). The public perception of “cults” and “new religious movements”. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 45(1), 97–106. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2006.00008.x>
- Orsi, R. A. (2022). The study of religion on the other side of the good religion/bad religion binary. *Journal of Religious Ethics*, 50(2), 312–317. <https://doi.org/10.1111/jore.12397>
- Portmann, A., & Plüss, D. (2011). Good religion or bad religion: Distanced churchmembers and their perception of religion and religious plurality. *Journal of Empirical Theology*, 24(2), 180–196.
- Rule, N. O., Garrett, J. V., & Ambady, N. (2010). On the perception of religious group membership from faces. *PLoS ONE*, 5(12), e14241. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0014241>

Turner, B. S. (2014). Religion and contemporary sociological theories. *Current Sociology*, 62(6), 771–788. <https://doi.org/10.1177/00113921145332>

Ziebertz, H. G., Kalbheim, B., & Riegel, U. (2006). A typology of religious attitudes among young people in Germany. *Journal of Beliefs & Values*, 27(2), 203–214. <https://doi.org/10.1080/13617670600849945>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дарья Алексеевна Омельченко — канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, старший научный сотрудник РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия.

Daria A. Omelchenko — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Social and Youth Policy, Senior Researcher, ROSBIOTECH, Moscow, Russia.

Светлана Геннадьевна Максимова — д-р социол. наук, профессор, заведующий лабораторией РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Laboratory of ROSBIOTECH, Moscow, Russia, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia.

Ольга Валерьевна Суртаева — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, научный сотрудник РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия.

Olga V. Surtaeva — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social and Youth Policy, Researcher at ROSBIOTECH, Moscow, Russia.

Ольга Леонидовна Сытых — д-р филос. наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Olga L. Sytykh — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026;
одобрена после рецензирования 10.03.2026;
принята к публикации 10.03.2026.
The article was submitted 13.01.2026;
approved after reviewing 10.03.2026;
accepted for publication 10.03.2026.